

Ю Д И - З В Е З Д Ы

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

судьбой, судьбой своего народа и всей страны!

Турист заметил не без тщеславия, что он вот может критиковать даже самого Кеннеди.

— Кеннеди? Ну этого и я охотно покритикую, — сказал я. — Вашего президента есть за что критиковать...

Беседа наша окончилась, но память о ней осталась. О владельцы призрачных свобод из страны призрачного благополучия! Как растолковать вам, в чем корни и на какой почве выросли наши чувства к родной партии? Вам не понять благодарности маленького народа, в короткий срок прошедшего путь от письменности до государственного университета; народа, ставшего сильным, красивым, богатым и образованным; народа, землю которого враги передавали из рук в руки, как рог с вином; народа, который теперь без страха за будущее засеивает поля и строит заводы, ведет ребенка в школу и прокладывает в горах дороги. Мы зовем своей родной ту партию, которая дала нам право на жизнь, сделала нас полноправными хозяевами

вами великой страны, наследниками всего богатства, добытого трудом.

Среди делегатов от Дагестанской республики на XXII съезде КПСС были два чабана, — ничего особенного, правда? Но старики в аулах помнят, как на вопрос о числе жителей всегда отвечали с оговоркой: «не считая чабанов, людей столько-то», или «считая чабанов, столько-то».

На съезде программу построения коммунистического общества принимали вместе со всеми делегатами пять коммунистов Дагестана. А давно ли в аулах говорили: «Если не считать женщин, в нашем ауле совсем мало людей», или «наш аул большой, если даже не считать женщин».

Скоро на прилавки книжных магазинов ляжет новинка: в Ленинграде издан сборник произведений древнейших поэтов Дагестана. Это пятьдесят шестая книга, вышедшая на русском языке за последние два года только в Москве и Ленинграде. А тираж их в тысячи раз превышает численность населения Дагестана.

В прошлом году защитил диссертацию Магомет Дамадаев из

Лакского района. Он изучил двадцать три языка, в том числе пять «мертвых языков». Дамадаев — 301-й кандидат наук, дагестанец, житель той страны, о которой говорили, что во всех аулах только один мулла грамотный, культурный человек. Теперь пришло время, когда в ауле самый темный, некультурный человек — один мулла.

Недавно у нас открылся Дагестанский драматический театр. Ему присвоено имя старого лирика Батырая. Дагестанец Отелло и дагестанка Дездемона раскрывают перед зрителем великую трагедию доверчивых сердец, павших жертвой зла и коварства. В Дагестане теперь семь театров. А драматургов, говорят, сейчас больше, чем раньше было зрителей.

Из Парижа вернулся на Родину наш ансамбль «Лезгинка». Разве мало видел парижский театр танцоров? Париж звездами третьей величины поразить трудно. Но исполнительское мастерство ансамбля получило высокую оценку французской прессы, концерту «Лезгинки» неизменно сопутствовали бурные аплодисменты парижан.

Такова скупая газетная хроника культурной жизни Дагестана. Но главное, о чем думается на пороге Нового года, это о чувстве общности горских народов со всеми народами Советской страны. Какой бы национальности ни принадлежал, на каком бы наречии ни говорил житель гор, он чувствует себя сопричастным ко всей стране, в ее беде, в ее труде, в ее печалих и веселье! Таки наши писатели: на каком бы языке они ни создавали свои произведения, каждый чувствует ответственность за всю советскую литературу в целом.

МНОГО ЕСТЬ видов оружия, но я считаю сильнеешим из всех — дружбу народов. Смертоносное оружие Отечество наше сохраняет в обороне для защиты от нападения, а мы, писатели, свое оружие должны оттачивать не для обороны, а для наступления, для непрерывного штурма буржуазной идеологии, для яростных атак на чуждую нам волчью мораль.

Был когда-то у нас аул нищих, но даже там девушку не выдавали замуж за того джигита, пять палок которого не перегрызли собаки. Сейчас в этом ауле колхоз-миллионер. Нищеты давно нет. Но до духовного богатства его жителям еще далеко. Им нужен хлеб для души. На XXII съезде говорили об освоении Голодной степи. У каждого писателя есть своя «голодная степь» и свой гражданский долг превратить голодные степи еще духовно бедных душ в цветущие плодородные нивы. Это нелегко сделать, но орлы любят летать против ветра, и только снулая рыба плывет по течению.

Бороться с нищими духом — трудное дело. Идут отчаянные сшибки мысли и чувств, изображать которые под силу лишь мастерам с богатой палитрой, страстной душой бойца.

Литературные споры последних лет были примечательны схваткой физиков и лириков. Много было поломано копий, прежде чем одержала победу Истина. И каждый теперь убедился, что Ломоносов и Фарадей, Ньютон и Капица были если и не признанными лириками, то страстными поэтами наверняка!

КОГДА я родился, заболела моя мать, и другая женщина выкормила меня. Двум женщинам я обязан жизнью. Я говорю это к тому, что горы и люди родного Дагестана дают нам, горским писателям, образы и краски для наших произведений. Но ростом и размахом крыльев, мастерством мы обязаны и русской литературе, и искусству, культуре всего мира. Все мы гордимся многообразием национальных красок советской литературы. Небо над нашей Отчиной одно. Его украшают большие и малые, ярко горящие и не всегда видимые глазу звезды. И очень хорошо, что всяких звезд на небе множество. Иначе пуст и неприютен был бы синий небосвод. Всякий понимает, что интернациональную культуру нельзя создавать, минуя процессы развития национальных культур

— так немислим букет из одних и тех же цветов, хотя бы они были пышны и душисты.

...**СЕЙЧАС** в ночную пору, когда погашен свет в окнах, мирно спят дети, я пишу эти строки и ощущаю себя на границе страны и времени обаянным охранять покой людей, призванным шагать в ногу с веком.

И снова припоминается встреча с американским туристом в Лондоне. Он спросил — велика ли моя семья и сколько комнат я имею. Я ответил, что со мной живут мать, жена и двое детей, а комнат занимаем пока три. Турист воскликнул, что в Америке можно иметь много комнат и даже отдельный дом. — А у вас это возможно? — допытывался он.

Я сказал, что нет, нельзя. И еще не удержался и добавил, что за сорок лет к нам в страну чуть ли не сорок раз лезли интервенты, лазутчики, фашисты и их прихвостни всех мастей со всех четырех сторон света. И каждый норовил разрушить по дому, да еще и не по одному. Конечно, возможно, мистер собеседник не имеет к делу разрушения наших домов прямого отношения. Но как же все-таки бестактно, кощунственно спрашивать нас об этом!

Да, у нас нет пока еще отдельного дома для каждой семьи. Еще живут молодые строители в палатках, еще не все подвалы в городах переделаны под прачечные, а молодые проводят свой медовый месяц порой в общежитиях. Но не за горами время, когда все это у нас уладится и образуется. Но одно остается на века: нерушимые узы родства советских людей. Такого чувства не знает и не скоро, вероятно, узнает американский турист.

Мы живем как бы единым домом. Одной дружной семьей. Таково светлого дома не имеет ни один американец. И нет большего счастья, чем приехать из дальних странствий, открыть двери родного дома и сказать всем живущим в нем: здравствуйте, родные! Желая всем вам света, мира, цветов, звезд и верных друзей, радости и счастья.

С Новым годом, друзья!
МАХАЧКАЛА